

На Бузане-острове

(Кирша Данилов)

На славной Волге-реке, на верхней изголове¹,
[На верхней изголове], на Бузане-острове,
На крутом красном берегу,
На желтых рассыпных песках,
А стояли беседы, что беседы дубовыя,
Изподернуты бархатом;
В беседочках тут сидели атаманы козачие,
Ермак Тимофеевич, Самбур Андреевич,
[Самбур Андреевич], Анофрий Степанович:
Они думушку думали заединую,
Как про дело ратное, про добычу казачую.

Что есаул ходит по кругу, по донскому, яицкому,
Есаул кричит голосом, во всю буйну голову:
«А и вы гой еси, братцы, атаманы казачие!
У нас кто на море не бывал,
[На море не бывал], морской волны не видал,
Не видал дела ратного, человека кровавого,
От желанья те Богу не маливались;
Останьтесь таковы молодцы на Бузане-острове!»

И садились молодцы во свои струги легкие,
Они грянули, молодцы, вниз по матушке
[Вниз по матушке] Волге-реке,
По протоке по Ахтубе;
А не ярые гоголи на сине море выплыли,
Выгребали тут казаки среди моря синего,
Против Матицы-острова легки струги выдергивали
И веселочки разбрасывали, майданы расставляли,
Ковры раздергивали, ковры те сорочинские,
И беседы дубовыя, подернуты бархатом;
А играли казаки золотыми тавлеями,
Дорогими вальящатыми.
Посмотрят казаки, они, на море синее, —

От того зеленого от дуба крековистого
Как бы бель забелелася, будто чернь зачернелася,
Забелелися на караблях парусы полотняные,
И зачернелися на море тут двенадцать кораблей:
А бегут тут по морю
Славны гости² турецкие со товары заморскими.
А увидели казаки те корабли червлёные,
И бросалися казаки на свои струга легкие,
А хватали казаки оружие долгомерное
И три пушечки медныя,
Напушались казаки на двенадцать кораблей:
В три пушечки гунули, а ружьем вдруг грянули:
Турки, гости богатые, на караблях от того испужались,
В сине море металися,
А те товары заморские
Казакам доставалися,
А и двенадцать кораблей.
А на тех караблях одна не пужалася, —
Душа красна девица,
Молода Урзамовна, мурзы дочь турецкого.
Что сговорит девица: «Не троньте мене, казаки,
Не губите моей красоты,
А и вы везите меня, казаки,
К сильну царству Московскому, государству Российскому,
Приведите, казаки, меня в веру крещеную».
Не тронули казаки душу красну девицу,
И посадили во свои струги легкие.

А и будут казаки на протоке на Ахтубе,
И стали казаки на крутом красном бережку,
Майданы расставляли, майданы те терские,
Ковры сорочинские, а беседы расставляли,
А беседы дубовыя, подернуты бархатом,
А столы — дорог рыбей зуб;
А и кушали казаки тут они кушанье разное,
И пили питья медвяныя, питья все заморския.
И будут казаки на великих на радостях,
[На великих на радостях] со добычи казачия, —
Караулы ставили, караулы крепкие, отхожие,
Сверху матки Волги-реки

И снизу таковые ж стоят, —
Запились молодцы, а все они до единого.
А втапору и во то время на другой стороне
Становился стоять персидской посол
Коромышев Семен Костянтинович,
Со своими солдаты и матросами.

* * *

Кзаки были пьяные, а солдаты не со всем умом,
Напушались на них драться, ради корысти своея.
Ведал ли, не ведал о том персидский посол,
Как у них драка сочинилася, —
В той было драке персидского посла
Солдат пятьдесят человек,
Тех казаки прибили до смерти,
Только едва остались три человека,
Которыя могли убежать на корабль
К своему послу сказывати.
Не разобрал того дела персидский посол,
О чем у них драка сочинилася,
Послал он сто человек,
Всю ту правду расспрашивати.
И тем солдатам показались,
Что те люди стоят недобрые:
Зачали с казаками драться.
Втапору говорил им большой атаман,
[Большой атаман] Ермак Тимофеевич:
«Гой вы еси, солдаты хорошие, слуги царя верные!
Почто с нами деретесь, корысть ли от нас получите?»
Тут солдаты безумные на его слова не сдавались,
И зачали драться боем-то смертным,
[Боем-то смертным], что дракою некорыстною.
Втапору доложилсся о том большой есаул
[Большой есаул] Стафей Лаврентьевич:
«Гой вы еси, атаманы казачи!
Что нам с ними делати?
Солдаты упрямые лезут к нам,
[Лезут к нам] с дракою в глаза?»

И на те его слова большой атаман
[Большой атаман] Ермак Тимофеевич
Приказал их до смерти бити
И бросати в матку Волгу-реку.
Зачали казаки с ними драться,
И прибили их всех до смерти,
Только из них один ушел капрал островской,
И прибежавши на свой корабль к послу персидскому
Семену Костантиновичу Коромышеву,
Стал обо всем ему рассказавати,
Кака у них с казаками драка была.
И тот персидской посол не размыслил ничего,
Подымался он со всею гвардиею своею
На тех донских казаков;
Втапоры ж подымались атаманы казачие,
Ермак Тимофеевич, Самбур Андреевич
[Самбур Андреевич] и Анофрий Степанович:
И стала у них драка великая и побоище смертное.
А атаманы казачие, сами они не дралися,
Только своим казакам цыкнули:
И прибили всех солдат до смерти,
Ушло ли, не ушло — с десяток человек.
И в той же драке убили самого посла персидского,
Семена Константиновича Коромышева.
Втапоры казаки все животы посла персидского
Взяли себе, платье цветное
Клали в гору Змеевую.

Пошли они, казаки, по протоке по Ахтубе,
Вниз по матушке Волге-реке;
А и будут казаки у царства Астраханского,
Называется тут Ермак со дружиною
Купцами заморскими;
А явили в тамошне товары разные
И с тех товаров платили пошлину
В казну государеву,
И теми своими товарами
Торговали без запрещения.

Тем старина и кончилась.

Песни, собранные П. В. Киреевским, Ч. II. Песни былевые, исторические. Вып. 6. Москва. Грозный царь Иван Васильевич, 1864.

1 В головах, вверху. У Калайдовича разделены стихи иначе.

2 Торговцы.